

УИЛЬЯМ ХОУП
ХОДЖСОН

КАРНАККИ
ОХОТНИК ЗА ПРИВИДЕЛИЯМИ

Издательство АСТ
Москва

КАРНАККИ
ОХОТНИК
ЗА ПРИВИДЕИЯМИ

Невидимая тварь, или Странная история Горестного кинжала семейства Джарноков

Карнакки только что возвратился в Чейни Вок, Челси. Я узнал об этом интересном факте из немногословной почтовой открытки с требованием явиться в дом № 472 не позже семи часов того же дня.

Мистер Карнакки, насколько было известно мне и всем прочим членам узкого кружка его друзей, провел последние три недели в Кенте, однако о том, что с ним происходило, мы не имели ни малейшего представления. Карнакки всегда был человеком скрытным и немногословным, и отверзал свои уста, только когда был готов. Когда он достигал этой стадии, я и еще трое его друзей, Джессоп, Аркрайт и Тейлор, получали открытку или телеграмму с приглашением. Отказавшихся без особой причины среди нас, как правило, не бывало, поскольку после весьма недурственного обеда Карнакки устраивался поудобнее в своем просторном кресле и начинал рассказывать. И что это были за рассказы! Повествования, истинные от первого до последнего слова и при этом полные странных и загадочных событий, захватывавшие слушателей от самого начала и по окончании погружавшие в глубокую задумчивость. Когда он смолкал, мы безмолвно обменивались с ним рукопожатием, вывалива-

лись на темную улицу и, пугаясь собственных теней, топтались по домам.

В тот вечер я явился к нему первым и застал Карнакки с трубкой в руках за чтением газеты. Поднявшись, он крепко пожал мою руку, указал на кресло и вновь сел, так и не произнеся ни слова. Мне не доводилось встречать человека столь любезного и лаконичного, как он. Я, со своей стороны, слишком хорошо знал Карнакки, чтобы беспокоить его расспросами или разговорами о погоде, а потому молча уселся и достал сигареты. Постепенно подошли и все остальные, после чего мы с комфортом провели время, наслаждаясь обедом.

После завершения трапезы Карнакки уютно устроился в просторном кресле, набил поплотнее трубку и какое-то время просто выпускал дым, не отводя глаз от огня. Все остальные тоже расположились поудобнее, каждый на собственный манер, и наш хозяин, наконец-то, заговорил, безо всяких преамбул и предисловий приступив к рассказу, которого мы ждали.

— Я только что вернулся из Южного Кента, из поместья сэра Альфреда Джарнока, что в Бертонтри, — начал он, не отводя глаз от огня. — В последнее время там происходили необычайнейшие события, и старший сын сэра Альфреда, мистер Джордж Джарнок, прислал мне телеграмму с просьбой изучить и по возможности исправить ситуацию. Словом, я отправился в путь. Явившись в поместье, я обнаружил старинную капеллу, известную как место обитания привидения. Как я понял, хозяева даже гордились этим святилищем, однако совсем недавно привидение вдруг сделалось опасным: дворецкий Джарноков получил в капелле удар старинным кинжалом. Считалось, что с кинжалом этим и связана творящаяся там чертовщина. Во всяком случае, в семье всегда полагали, что кинжал поразит любого врага, который осмелится вступить в капеллу после наступления ночи. Разумеется, к преданию никто не относился серьезно — как и к большинству историй с привидениями. Тем не менее, людям казалось странным, что в легенде

Невидимая тварь, или Странная история...

вещь действовала сама по себе или в руке некоего невидимки. Так, во всяком случае, считали все в доме, когда я появился и начал разбираться в положении дел.

Естественно, в первую очередь мне следовало удостовериться, что в данной истории не принимает участия человеческая рука. Сделать это мне удалось даже проще, чем я мог предполагать, поскольку дворецкий получил рану в присутствии других находившихся в капелле людей и при полном освещении. Удар был нанесен при свидетелях, и никто не мог объяснить, как это могло случиться, даже сам раненый, причем — с огромной силой, так как дворецкий отлетел к стене капеллы, будто его лягнул конь. К счастью, рана оказалась не смертельной, и к тому времени, когда я оказался в поместье, бедняга уже достаточно поправился, чтобы поговорить со мной. Тем не менее, полученная от него информация ничем не могла помочь мне: дворецкий всего лишь приблизился к алтарю, чтобы погасить свечи, и в этот момент подвергся нападению. Он ничего не видел и не слышал, только получил сильнейший удар, отбросивший его к стене.

Я был весьма озадачен, однако не мог прийти к определенному выводу до завершения обследования капеллы. Она оказалась небольшой и чрезвычайно древней. Стены ее очень толсты, и попасть в капеллу можно только через одну-единственную дверь, связывающую ее с замком, причем ключ от нее сэр Джарнок держал при себе, не доверяя дворецкому. Церквушка имеет удлиненную форму, перед алтарем находится обычная ограда. Под полом церкви устроены два захоронения, однако солея¹ свободна, и на ней находятся лишь высокие подсвечники и решетка, за которой располагается ничем не покрытый мраморный алтарь, на обоих краях которого тоже стоит по подсвечнику. Над алтарем и подвешен этот самый Горестный кинжал,

¹ Возвышение пола перед алтарной преградой или иконостасом в христианском храме.

каковое название он носил в течение прошедших пяти столетий.

Протянув руку, я снял кинжал, чтобы рассмотреть его. Обоюдоострый клинок дюймов десяти длиной, будучи шириной в два дюйма у основания, сужается к острию. Ножны снабжены любопытным перекрестием, которое, учитывая то, что они на три четверти прикрывают рукоятку кинжала, превращают его в некое подобие креста. О том, что подобная форма выбрана не случайно, свидетельствует выгравированное с одной стороны изображение распятого Христа. На другой стороне латинская надпись: «Мне отмщение, и Аз воздам». Странное и несколько жутковатое смешение идей. На лезвии кинжала выгравировано старинными английскими буквами: «Я внемлю. Я ударяю». На «яблоке» рукояти глубокими линиями изображен Пентакль — пятиконечная звезда.

Теперь вы располагаете достаточным представлением об оружии, которое в течение пяти или даже более столетий считалось способным по собственной воле или в руке невидимого духа нанести убийственный удар любому врагу семейства Джарноков, которому случится войти в капеллу после наступления ночи. Более того, могу сказать, что прежде чем оставить капеллу, я получил достаточные основания думать, что в древней истории кроется куда больше правды, чем это может представиться здравомыслящему человеку.

Однако, следуя своему обыкновению, я старался относиться ко всему непредвзято, и потому продолжил изучение капеллы. Простучав и обследовав ее стены и пол, не исключая оба старинных надгробия, к вечеру я пришел к выводу, что вход и выход из церкви был возможен лишь через ведущую в замок дверь, постоянно остававшуюся запертой. То есть, позвольте уточнить: это был единственный выход, доступный для *материальных* созданий. Впрочем, даже если бы я нашел какое-то другое отверстие, тайное или открытое, это немногим приблизило бы меня к разрешению загадки. Дворецкий, как вы, конечно, пом-

Невидимая тварь, или Странная история...

ните, получил ранение в присутствии большинства членов семьи и многих слуг, и краткий опрос тех и других показал, что не одно видимое создание не смогло бы приблизиться к этому человеку так, чтобы его не заметил кто-либо из находившихся в капелле.

Такова была тайна, которой мне предстояло дать здоровое и разумное объяснение!

От Томми, второго из сыновей хозяина, смышленного мальчика лет пятнадцати, я узнал новые подробности. Он видел, как был ранен дворецкий, или, точнее говоря, видел дворецкого в то мгновение, когда тому был нанесен удар. Мальчик сказал мне, что если бы этого человека лягнул конь, то и в этом случае его не отбросило бы дальше или с большей силой. Все случилось, когда бедняга отправился гасить свечи на алтаре. Кинжал пронзил его насквозь, так что острие вышло за левым плечом, и с такой силой, что незамедлительно вызванному врачу пришлось извлекать оружие из кости — кинжал насквозь пробил лопатку. Такую информацию я извлек из самого доктора, который, наряду со всеми остальными, находился в полном и несомненном недоумении. Как, впрочем, и я сам, поскольку оставалось лишь согласиться с тем, что некая невидимая тварь — создание из потустороннего мира — едва не убила живого человека. И следовало ожидать продолжения. Мне предстояло собственными глазами увидеть чудо, происшедшее в нашем так называемом прозаическом столетии. Да-да, собственными глазами! Как оказалось, мне пришлось ощутить воздействие сверхъестественных сил на себе!

В тот вечер я предложил сэру Джарноку, невысокому, морщинистому и нервному старику, провести ночь в капелле, чтобы приглядеть за кинжалом, однако он не стал даже слушать меня. Сэр Альфред поведал мне, что с того дня, как замок перешел к нему по наследству, у него вошло в обычай каждый вечер запираить дверь капеллы, чтобы никто по глупости или безрассудству не мог попасть в это опасное место. Тут, должен признаться, я некоторое время просто смотрел на него, называя в уме старой бабой;

однако когда он заметил, что предосторожность его оправдала себя, о чем можно судить по нападению на дворецкого, мне нечего было возразить. Но все равно, казалось странным, что человек двадцатого столетия может серьезно относиться к подобным разговорам.

Тем не менее, услышав от сэра Джарнока о его предосторожности, заставлявшей в течение многих лет запирать привидение по ночам, дабы оно не могло никому навредить, я не мог не отметить, что кинжал поразил не врага семейства, а верного и преданного слугу. Более того, нападение было совершено не во тьме, а когда капелла была ярко освещена.

На эти мои замечания старый джентльмен ответил несколько обеспокоенным тоном, что если в отношении освещения я, безусловно, прав, то на кого в этом мире и в наше время можно рассчитывать безо всяких сомнений?

— Тем не менее, сэр Джарнок, — возразил я, — у вас, конечно, нет никаких оснований подозревать своего дворецкого в том, что он является врагом семьи?

Я произнес эти слова наполовину шутивным тоном, однако он вполне серьезно ответил мне, что никогда не имел совершенно никаких причин не доверять Паркеру. После этого, с легким любезным поклоном сославшись на присущую возрасту усталость, он пожелал мне доброй ночи и отправился почивать, оставив о себе впечатление вежливого, но суеверного старого джентльмена.

Той ночью, когда я раздевался ко сну, меня осенила идея. Ведь если я хочу добиться какого-либо прогресса в разрешении дела, то должен заручиться возможностью входить в капеллу и выходить из нее в любое время дня и ночи. А идея была такова: утром, когда мне передадут ключ, сделать с него отпечаток и изготовить дубликат. Таким образом я легко добьюсь поставленной цели и смогу беспрепятственно входить в капеллу после темноты и следить за Горестным кинжалом, не обижая сэра Джарнока нарушением давно соблюдавшихся им предосторожностей.

Невидимая тварь, или Странная история...

Утром я получил у старого джентльмена ключ и в его присутствии отпер капеллу. Потом я отправился за фотокамерой и штативом в свою комнату, где и снял отпечаток, после чего, вернувшись, возвратил ключ владельцу. Установив камеру в проходе между креслами, я сфотографировал солею, а потом сказал, что оставляю камеру здесь. Сэр Джарнок проводил меня к выходу из капеллы и запер за нами дверь. Он сказал, что будет счастлив предоставлять мне ключ всякий раз, когда я захочу посетить капеллу, но только не после наступления темноты, ибо не может допустить, чтобы еще один человек стал жертвой зачарованного кинжала.

Я отнес кассету в Бертонтри и отдал ее местному фотографу, предупредив, чтобы он проявил единственную находившуюся в ней пластинку, но не печатал до особого моего распоряжения. Затем я принялся искать замочных дел мастера и, обнаружив такового, заказал ему сделать по оттиску ключ так быстро, как только возможно, поскольку он может потребоваться мне уже вечером. И когда я заглянул к нему в конце дня, работа, к моему удовлетворению, была уже выполнена.

Я вернулся в замок как раз к обеду, после которого, принеся соответствующие извинения, удалился в свою комнату. Оказавшись в ней, я извлек из-под кровати несколько отличных пластинчатых панцирей, которые позаимствовал из оружейной кладовой. Еще я захватил там кольчужку с прикрывающим голову капюшоном. Надел панцирь, а поверх него натянул кольчугу. Не слишком разбираюсь в доспехах, но, судя по тому, что мне довелось узнать с тех пор, я тогда нацепил на себя части двух различных боевых одеяний. Как бы там ни было, чувствовал я себя в них жутко, но поскольку мой план требовал хоть как-то защитить тело, постарался соблюсти все возможные предосторожности. После этого я прикрыл свою броню халатом, опустил револьвер в один из боковых карманов, а фото вспышку убрал в другой. Фонарь со шторкой остался у меня в руках.

Уильям Хоуп Ходжсон

Выйдя в коридор, я притворил и запер дверь спальни, а после этого осторожно спустился к капелле, моля, чтобы никто не заметил меня по пути. Оказавшись у двери, я немедленно опробовал ключ и в следующее мгновение, оказавшись в темной тихой капелле, запер за собой дверь.

Должен признаться, что чувствовал я себя не вполне в своей тарелке. Стоять в полной тьме, гадая, не приближается ли к тебе невидимая тварь, не так уж приятно, как могло бы показаться. Тем не менее, паниковать не было смысла, поэтому я включил фонарь и начал обход.

Ничего неожиданного мне обнаружить не удалось. Кинжал мирно висел на своем месте над алтарем, а вокруг было тихо, холодно и безмолвно. Затем я подошел к камере, извлек из оставленной под ней сумки кассету, вставил ее в камеру и взвел затвор. Сняв крышку с объектива, я приготовил фотовспышку и нажал на спуск. Ослепительно яркая вспышка вырвала из небытия весь интерьер капеллы, тут же скрывшийся из вида. Пользуясь фонариком, я переставил кассету, чтобы в нужное мгновение располагать свежей пластинкой, после чего выключил фонарь и уселся на скамью рядом с камерой. Не знаю, чего я ждал, но мной владело ощущение, утверждающее, что нечто обязательно случится. Я словно был уверен в этом.

Миновал час... час, проведенный в абсолютном безмолвии. Я зверски замерз, поскольку заметил еще во время обследования, что в капелле не было ни батарей, ни печки, поэтому внутри оказалось столь же холодно, как в благословенной могиле. Ну, а к холоду в помещении добавлялись мои ощущения, как вы понимаете, отнюдь не согревавшие мою душу. И тут я с жуткой уверенностью ощутил, что по капелле передвигается нечто. Не то, чтобы я услышал что-то; нет, интуиция подсказывала мне, что во тьме шевелится неизвестная тварь. Буквально в одно мгновение я облился холодным потом. Не слишком приятное ощущение, однако.

Внезапно я поднес прикрытые кольчугой руки к лицу. Я хотел спрятать его... то есть защитить. Мной владело

Невидимая тварь, или Странная история...

жуткое чувство, утверждавшее, что надо мной во тьме парит нечто... парит и выжидает. Рассказывают, что сердце человека может расплавиться в груди! Мне казалось, что мое сердце превратилось в лужицу. Я закричал бы, если бы не было так страшно произнести хоть звук. И тут вдруг я услышал звук! В конце прохода между скамьями что-то глухо лязгнуло, словно в каменный пол ударила обутая в сталь пята. Я сидел неподвижно, стараясь заставить себя не превратиться в жалкого труса. Я еще прикрывал лицо, однако мужество постепенно возвращалось ко мне. Усилием воли я заставил себя опустить руки и поднять лицо к нависшей надо мной тьме. Честно скажу, в этот миг я понял, что лучше позволить твари, что бы она ни представляла собой, сразить меня насмерть, чем дать своей отваге сгнить на корню. Однако ничто не прикоснулось ко мне, и я несколько успокоился.

Смею сказать, прошла пара минут, и поодаль, возле соли, вновь что-то лязгнуло, словно на камень осторожно ступила бронированная нога. Боже мой! Признаюсь вам, я напрягся всем телом. И тут вдруг до меня донесся звук, который можно было принять за звяканье кинжала над алтарем. Мысль о том, что неодушевленный предмет может ожить и напасть на меня, просто не приходила мне в голову. Скорее мне представлялось некое невидимое чудище из неведомого мира, протянувшее к нему лапу. Я вспомнил слова дворецкого о том, что удар кинжала был подобен удару конского копыта, и с этой мыслью потянулся к фонарю, который оставил на скамейке возле себя. Немедленно щелкнув кнопкой, я повел лучом вдоль прохода, в котором не оказалось ничего, что могло бы испугать меня. Взад и вперед водил я полоской света, но так и не увидел ничего страшного. Ни передо мной, ни за мной, ни над головой, ни на полу, куда я светил, не было видно ничего такого, что могло бы объяснить озноб, пробиравший мое тело. Чтобы осветить капеллу, я встал, однако отчаянным усилием воли вновь заставил себя выключить свет и сесть,